

ПРИШЕСТВИЕ "ТЕЛЕВИЗИОННОГО ЧЕЛОВЕКА"

— Еще каких-нибудь лет десять назад для тех, кто любит и знает кино, было абсолютно ясно, что думает кинорежиссер Анджей Вайда о социализме и "социалистическом выборе" Польши. Достаточно было посмотреть хотя бы вашего "Человека из мрамора". Но вот прошло то время, и теперь с исторической дистанцией видится и яснее, и лучше. Что вы сегодня думаете о той жизни?

— Прежде всего я думаю, что социализм не вернется больше никогда. Система рухнула и с позором уходит в историю. В последние годы своего существования она напоминала мне чудовищ, живших на земле до всемирного потопы. Примитивная нервная система и крошечный мозг едва справлялись с управлением их гигантскими телами. Все понимали, что монстр рано или поздно рухнет, и все боялись, что, рухнув, он раздавит, уничтожит все вокруг себя. Какое счастье, что этого не случилось. Надо благодарить судьбу и людей, которые сделали все возможное, чтобы этого не произошло.

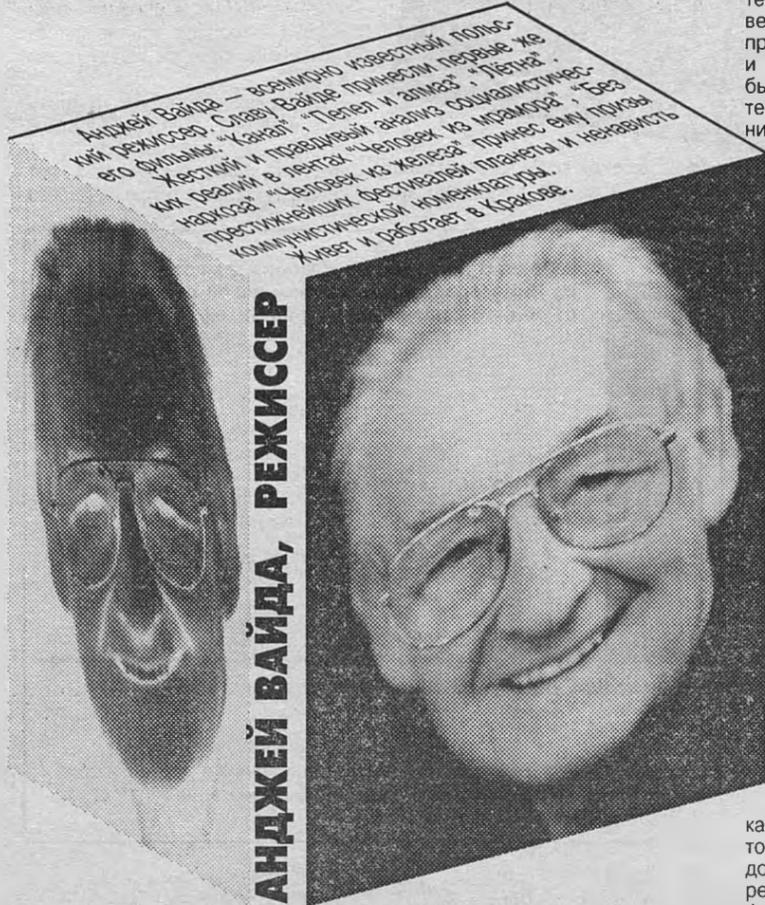
— Система рухнула, но остались люди, вскормленные и сформированные ею, воспитанные в рамках социалистического общества. Эти "мраморные люди" продолжают жить в новых, непривычных для них условиях и обстоятельствах, им сегодня плохо. Чувствуете ли вы это? Понимаете ли их?

— Вы правы, многие сегодня чувствуют себя чужими и в новых обстоятельствах. Они были воспитаны социалистическим государством и все время находились у него на иждивении, у них абсолютно атрофировано чувство личной ответственности за собственную судьбу, они не привыкли проявлять инициативу. Я понимаю их, мне их жаль. Хорошо, что они не составляют сегодня большинства в Польше: наш переход к новой жизни оказался куда менее болезненным и трудным, нежели в России.

— Чем вы это объясняете?

— Рядом исключительно объективных обстоятельств. Мы меньше, чем вы, жили в условиях социализма, этот строй в значительно меньшей степени, нежели у вас, деформировал нашу экономику, социальную и духовную жизнь народа. Ну, например, у нас никогда не было колхозов, таких, как у вас, и крестьянство оставалось относительно свободным. Конечно, и у нас оно теперь оказалось наименее приспособленным к рыночным обстоятельствам, но "красное колесо" коллективизации никогда не катилось по польской земле. Второе, очень важное, с моей точки зрения, обстоятельство, сохранившее полякам свободу духа даже в тоталитарных условиях, — это костел, польская церковь. Она никогда не была подчинена Москве в отличие от партийного руководства страны. Если польский костел от кого-то и зависел, то, скорее, от Ватикана, от Рима, представлявших, помимо всего прочего, европейскую, демократическую цивилизацию. Под сводами польского костела даже в самые трудные времена всегда трепетал огонек свободомыслия, истинных христианских ценностей.

Очень важно и то, что частная собственность даже при социализме

АНДЖЕЙ ВАЙДА, РЕЖИССЕР

ме никогда не была разрушена в Польше до основания. Вот здесь, на рыночной площади Кракова, всегда продавали прекрасные цветы. Те, кто их выращивает, и по сей день покупают семена в Голландии. Когда-то их заставляла это сделать жизнь, нормальные условия конкуренции, в результате которой выиграли простые люди: теперь они всегда могут купить на рыночной площади Кракова лучшие в Польше цветы.

Вот эти традиции предпринимательства, частной собственности, традиции служения потребителю так и не удалось уничтожить в Польше за годы социализма. Я думаю, что свою роль сыграла и польская интеллигенция, так и не принявшая социалистической строй и сумевшая сказать об этом своему народу в книгах, фильмах, стихах, театральных спектаклях. Это было сознательное сопротивление чужому порядку, принесенному в Польшу на штыках советской армии.

— Давайте поговорим подробнее об этом "искусстве сопротивления". Согласитесь, что, например, кино социализма в этом смысле было искусством особенным: помимо чисто художественных задач, оно в лучших своих образцах всегда становилось в оппозицию к власти, к партийному диктату, оно стремилось говорить с людьми поверх голов партийных секретарей. Именно это и было едва ли не главным в кинематографе эпохи социализма, именно за этим зритель и шел в кинотеатры. Зачем зритель идет в кинотеатр теперь, когда система партийной цензуры рухнула, когда правду можно говорить открыто?

— Вы затронули тему, которая меня и сегодня очень заботит. Но сначала я хотел бы сказать о цензуре. На мой взгляд, кинематографу действительно позволялось больше, нежели литературе, скажем. И дело тут было, как мне кажется, в том, что идеология напрямую проявлялась прежде всего в слове. Слово, печатное или устное, и было предметом неусыпного внимания цензуры. Что касается кино, то его язык — зрительные образы. Цензурировать их куда сложнее, для этого надо быть как минимум талантливым зрителем или хотя чуть-чуть разбираться в эстетике кинематографа...

— Знаете, в те годы нам часто казалось, что в области квалификации и художественной грамотности цензуры мы намного опережаем вас...

— Судя по некоторым фактам, вы недалеки от истины. Однако цензура в Польше было действительно многое невдомек, она часто давала сбои. Помните мой "Пепел и алмаз"? Там в финале фильма герой, прекрасный парень, которого играл Збигнев Цибульский, погибает на свалке. Цензура в отличие от грамотного зрителя, который смотрел этот фильм практически во всех кинотеатрах мира, не почувствовала, что этого прекрасного парня убила и отправила умирать на свалку система. Интеллигентный зритель ощутил и понял это мгновенно. Потому что мы — зритель и художник — при социализме состояли в молчаливом заговоре сопротивления партийной власти. И как заговорщики мы прекрасно понимали друг друга с полуслова и полувзгляда, чего было не дано даже опытному цензору.

Что теперь? Вы правы, ситуация изменилась кардинально. Раньше я думал: вот не будет цензуры, и я смогу снять все, что хочу. Я был очень наивен, теперь надо это признать. Жизнь показала, что дело совсем не в цензуре, а в зрителе. Нет цензуры, но не стало и зрителя, для которого я мог бы снять все, что я хотел.

— Куда же он подевался, ваш зритель?

— Он сидит себе дома в тапочках перед телевизором и его уже не затащишь в кинотеатр. Потому что раньше он мог услышать слово правды в костеле и увидеть правду в кинотеатре. Теперь ему для этого вполне достаточно телевизора. Раньше мои фильмы собирали в кинотеатрах лучших представителей ин-

телигенции, мыслящей, самой сочувливой части общества. Быть причисленным к этому кругу было и почетно, и престижно. Сегодня быть интеллигентным стыдно, интеллигент стал синонимом неудачника, который не может заработать себе на жизнь.

— Может быть, все, о чем вы говорите, — тяжелая и необходимая плата за свободу?

— Тяжелая — да. Но вот насколько она необходима?.. Знаете, у нас недавно появилась книга с таким названием: "Доживет ли польское кино до 2000 года?" Автор утверждает, что не доживает. И я, как это ни печально, считаю так же. То, что во всем мире принято было называть польским кино, будет уничтожено отнюдь не цензурой, а новым польским зрителем, которому не нужны наши философские размышления о прошлом и о настоящем. Все, что он хочет сегодня смотреть, — это стандартное американское кино, рожденное человеком с новой телевизионной психологией.

— Что это значит — "человек с новой телевизионной психологией"?

— Знаете, я как-то смотрел "Звездные войны" — этот детский фильм. И поймал себя на интересном ощущении: картинка в этом кино менялась как раз в тот момент, когда мне начинал надоедать предыдущий кадр. То есть режиссер максимально учел психофизиологические особенности человеческого восприятия и создал продукт комфортный, удобный и не утомляющий. Как, например, хорошие ботинки или мягкое глубокое кресло.

Почему я называю это психологией телевизионного человека? Да потому что этот человек полдня проводит, лежа на диване перед телевизором с пультом дистанционного управления в руках. И как только ему начинает надоедать одна программа, он легким нажатием кнопки переключается на другую, надоест другая — он на третью. И так до бесконечности. Смена кадров, монтаж современного американского фильма, его ритм словно сделаны человеком с телевизионным пультом в руках. Современное американское кино — это идеальный товар для телевизионного человека, который не привык уставать, душа которого не хочет и не умеет работать. Этот товар ничем не отличается от добротной одежды или вкусной пищи. Он отличается только от того, что принято считать искусством, что требует, к сожалению, а может быть, и к счастью, напряженной работы ума и сердца. Увы, зритель, который когда-то это умел, сегодня превратился в телезрителя с пультом в руках. Кто бы мог предположить, что именно этот пульт уничтожит то, что еще совсем недавно называлось искусством кино.

— Так что же представляет собой сегодняшнее польское кино? Кто идет следом за вами, что делаете вы сами?

— Есть несколько молодых режиссеров, которые снимают кино по американским стандартам. Я недавно познакомился со Спилбергом. Он интересен, но я понял, что никогда бы не смог составить ему конкуренцию. Мои конкуренты были другими. Скорее, это Феллини, Бергман, Бунюэль, Курасава, Антониони, ваш Андрей Тарковский... Два или три своих фильма я мог бы

поставить в ряд с работами этих мастеров. Теперь зритель хочет смотреть другие фильмы, и поэтому я не снимаю кино. Ставлю спектакли в Старом театре Кракова. С удовольствием ставлю Достоевского...

— Может быть, когда-нибудь в будущем я и вернусь в кино, чтобы досказать то, что еще не досказано о нашем времени, но для этого мало моего желания, для этого нужен зритель, который захотел бы это смотреть. Увы, пока в кинотеатры приходит телевизионный человек — это невозможно.

— "Человек телевизионный" — порождение нового времени, новых обстоятельств жизни, к которым и вы, и мы так стремились, которых так ждали, за которые боролись. Не жалеете ли вы о том, что условия этой новой жизни таковы, что кинорежиссер Вайда не снимает фильмы?

— Нет, не жалею. Все рано или поздно образуется. В конце концов режиссер Вайда без работы не сидит. А то, что в Польшу пришли новые времена, — это замечательно. Мы обрели свободу, это главное, остальное, как говорят в России, приложится. Даже если бы мне совсем нечего было бы делать в новой демократической, свободной Польше, я все равно ни на секунду не пожалел бы об утраченном "социалистическом рае".

— Когда Лех Валенса проиграл президентские выборы, кто из наших политологов написал, что в Польше все произошло так, словно сценарий событий написал Анджей Вайда. Но если серьезно, что вы думаете о Валенсе?

— Знаете, я был его искренним и даже восторженным поклонником. Он был блистателем, когда боролся с коммунистическими дураками, он достоин и мужественно вел себя во время военного положения. Он, безусловно, талантливый, выдающийся организатор, лидер от Бога. Но, как говорят в театре, это человек одной роли, узкого амплуа. Так вот, своего Гамлета он уже сыграл. И я думаю, что на Олимп власти он уже не вернется. Время изменилось, жизнь требует других людей...

С Лехом Валенсой связаны и самые лучшие, светлые моменты в жизни польской интеллигенции, и самые тяжелые ее разочарования и ошибки. Я думаю, что мы так же, как и он, переоценили собственную значимость, не сумели взять управление политическими процессами в свои руки, мы просто не успели за временем. Я думаю, то же произошло и с интеллигенцией в России. Солженицын просто опоздал с возвращением на Родину, он был нужен в России значительно раньше. Так мне кажется. Жизнь ушла вперед, а те, кто был авторитетен в народе, увы, отстали, не сумели идти в ногу со временем. А может быть, новое время родит новые духовные авторитеты, новую интеллигенцию? Кто знает, поживем — увидим. Обидно, что мы не смогли сыграть свою роль так, как нам подбало это сделать...

— Все-таки свою роль, роль кинорежиссера, вы сыграли достойно, поскольку как немногие сумели сказать нам о нашем времени правду. Спасибо вам за это.

— Это вам спасибо за добрые слова...

Юрий ЛЕПСКИЙ,
Ольга СОЛОМОНОВА

"Адлеркурорт" — крупнейшая здравница России

Спальные корпуса с двух- и трехместными номерами с удобствами, столовые ресторанного типа, бары, кафе, кинотеатры, дискотека, плавательный бассейн, сауны, поликлиника и лечебно-диагностический центр, в которых можно получить отдельные виды курортного лечения.

И все — на берегу

Черного моря!

Мы предлагаем одиночные и семейные путевки. Сроки обслуживания и форма оплаты — любая. Детям от 3 до 14 лет предоставляются скидки от 40 до 60%. Поможем организовать и провести у нас деловые встречи, семинары и конференции.

Наш адрес: 354367, Сочи — Адлер, ул. Ленина, 219. Телефоны: 45-11-71, 45-07-19, 45-10-10. Факс (8622)45-11-71, 45-10-12. Телегайт — 191327 "Нептун". Проезд от аэропорта и ж.д. вокзала Адлера автобусами 4, 4-С и 61 до остановки сан. "Известия".

P.S.

Мы закончили наш разговор с маэстро, когда над центральной краковской площадью уже сгустились сумерки и зажглись фонари. Уже несколько дней подряд на этой площади с раннего вечера стоит длинная очередь. Как вы думаете, за чем? Очередь стоит к телескопу, который кто-то выносит на площадь каждый вечер, как только стемнеет. В течение 30 секунд желающий может посмотреть на комету, висющую хвостом вверх в краковском небе. Встав в эту длинную очередь, мы глядели на небо и размышляли о том, что, в сущности, не так все грустно, если в сегодняшней жизни очередь выстраивается не только к голливудским звездам, но и к настоящим. К настоящим даже больше.